
Марина Ветрова ✦ Юнона Белова
СВИДЕТЕЛЬСТВО О ПРАВЕ НАСЛЕДСТВА НА КЛИНИКУ
ВДОВА ХИРУРГА.
Ты украл наследство моего мужа, но шейх заставил тебя встать на колени!

Марина Ветрова

Вдова хирурга. Ты украл наследство моего мужа, но шейх заставил тебя встать на колени!

«Автор»
2026

Ветрова М.

Вдова хирурга. Ты украл наследство моего мужа, но шейх заставил тебя встать на колени! / М. Ветрова — «Автор», 2026

Мой муж погиб два года назад. Я верила, что его партнёры позаботятся обо мне. Пока однажды не получила приказ об увольнении и требование освободить дом за тридцать дней.Оказалось, долю мужа в клинике присвоил человек, которого мы считали другом. А под документами стояла подпись Андрея, поставленная через три дня после его похорон!Я отправилась искать правду и оказалась перед влиятельным шейхом Даудом. Он узнал почерк моего мужа и приказал остановить продажу клиники.Теперь предатель готов на всё, чтобы заставить меня замолчать.Но он ещё не знает, что скоро будет стоять передо мной на коленях. И моя жизнь изменится навсегда.

© Ветрова М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Тридцать дней 5
Глава 2. На честном слове 8
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Марина Ветрова, Юнона Белова Вдова хирурга. Ты украл наследство моего мужа, но шейх заставил тебя встать на колени!

Глава 1. Тридцать дней

Курьер позвонил в дверь в восемь утра, когда я стояла у плиты и не могла вспомнить, зачем поставила чайник. За окном шёл тот октябрьский дождь, который не начинается и не кончается, — просто висит. Я открыла, держа в руке полотенце, и молодой человек в мокрой куртке протянул мне два конверта.

— Смирнова Нина Владимировна? Под роспись.

Я расписалась, не глядя, — привычка координатора, который за день подписывает сотню бумаг. Уже в прихожей, разрезая конверты ножом для писем — Андрей купил его в Стамбуле, костяная ручка, — я поняла, что рука дрожит.

В первом конверте было уведомление. «Настоящим сообщаем, что жилой дом по улице Тихвинской является служебным фондом клиники "Меридиан". В связи с реорганизацией и предстоящим отчуждением имущества вам надлежит освободить занимаемое помещение в срок тридцать календарных дней…» Я прочитала это трижды. Слово «надлежит» было самым живым во всём абзаце.

Во втором — уведомление о реорганизации самой клиники. Мелкий шрифт, печати, и посередине — сухое, как горошина: «партнёры уведомлены».

Тридцать дней. Два года я жила в этом доме на честном слове — так мне сказали на похоронах. Игорь Маркович Тарасов, младший партнёр Андрея, обнял меня тогда на кладбище, пахнущий дорогим одеколоном, и сказал в мою мокрую щёку: «Ниночка, дом ваш. Работа ваша. Андрей поднял эту клинику — мы его семью не бросим». Я кивала. Я вообще два года в основном кивала.

Андрей погиб четырнадцатого ноября, два года назад, — гололёд, ночной звонок, срочная операция, машина в столб на Ленинградке. Он вёз на ту операцию свои руки, и не доехал. Дальше для меня была зима, от которой я не помню почти ничего, — помню только, что чайник я тогда тоже ставила и забывала.

Я оделась и поехала в клинику.

В холле пахло, как всегда, мокрой плиткой и антисептиком, и от этого запаха мне впервые за долгое время стало спокойно: родной запах, запах той жизни, где Андрей спускался ко мне на первый этаж между обходами и клал на стойку регистратуры мандарин. Девочки на ресепшн поздоровались со мной как-то слишком тихо. Я не сразу поняла, почему. Поняла у кабинета Тарасова.

Игорь Маркович сделал ремонт — стены в кремовом шёлке, новый стол толщиной с дверь. Сам он сидел в кресле, тёплый, уютный, с проседью в бородке, и на запястье у него блестели новые часы — платиновые, тяжёлые, слишком роскошные для его суховатой руки.

— Ниночка! — Он поднялся мне навстречу, взял за локти, заглянул в глаза с той отеческой заботой, от которой мне всегда было чуть зябко. — Произвол, да? Я в ярости. Но что я могу сделать против собственника? Фонд продаёт актив. Реорганизация. Служебный фонд жилья распродаётся. Ничего личного, сплошная бухгалтерия.

— Игорь Маркович, — сказала я, — Андрей был партнёром. У него была доля. Треть клиники. Что происходит с ней?

Он посмотрел на меня дольше, чем нужно, — и что-то в его лице бережно, аккуратно закрылось, как крышка чайника.

— Ниночка, вы же не в курсе дел Андрея. Он и не хотел, чтобы вы в них были.

— Я его наследница.

— Вот именно. — Он взял со стола телефон, полистал, будто проверяя погоду. — Андрей подарил мне свою долю. Ещё тогда, при жизни. Скромность настоящего врача — вы же его знали. Документы у Ланской, сходите, она всё покажет. Ольга Валерьевна вас примет хоть сейчас.

Ланская приняла меня через десять минут. Кабинет у неё был холодный — не температурой, а лаком: чёрный стол, ни одной лишней бумаги, на подоконнике орхидея, похожая на дорогой скелет. Она расцвела мне навстречу улыбкой, которая не тронула глаз.

— Нина Владимировна. Присядьте. Духи у неё пахли, как металлическая дверная ручка зимой.

Она положила передо мной папку. Копия договора дарения. Треть доли Андрея — Тарасову Игорю Марковичу. И внизу — подпись.

Я знаю подпись Андрея лучше, чем собственную. Ею были исписаны наши холодильник, открытки, рецепты, поля книг — размашистая, с хищной «д» и мягким, усталым хвостом в конце. Я не сразу поняла, что уже давно смотрю на неё молча, а Ланская разглядывает меня, как разглядывают реакцию.

— Подпись подлинная? — спросила я чужим голосом.

— Есть экспертиза. Мы сами её заказали, для чистоты реестра. — Она пододвинула второй лист. Дата договора — двадцатое ноября.

Похороны Андрея были семнадцатого.

Я помнила этот день по минутам, до самой минуты, когда опускали крышку, — а оказывается, спустя три дня после неё мой муж, по версии этой бумаги, живой и здоровый, сидел и дарил треть своей жизни человеку, который рыдал у гроба громче всех.

— Здесь что-то не так, — сказала я. — Он не мог подписать. Он был мёртв.

— Нина Владимировна. — Ланская сложила пальцы домиком, и бриллианты на них мигнули. — Понимаю ваше состояние. Но подпись есть подпись, экспертиза есть экспертиза. И маленький совет, по-человечески: у клиники обязательства перед банками. Наследство — штука с двумя карманами. Полезете в один — не жалуйтесь на другой. Подпишите лучше уведомление о вручении, что вы ознакомлены. Так будет правильно для всех.

Я расписалась, где она показала. Выйдя на улицу, я долго стояла у фонтана и смотрела, как дождь ломается о его воду.

Домой я вернулась в сумерках. Чайник так и стоял на плите с утра. И тогда — не знаю, почему именно сегодня, — я подошла к шкафу в кабинете Андрея и достала с антресолей коробку, на которой два года назад написала маркером: «После похорон». И не открывала. Я не смогла открыть её ни на сорок дней, ни на год. В ней лежали ленты от венков, телеграммы, соболезнования, его вещи из кабинета, переданные мне в коробке из-под бумаги «Снегурочка».

Я села на пол, вскрыла скотч ножом с костяной ручкой и разрешила себе плакать над чужими словами «светлая память».

А посередине коробки, аккуратно подшитая, лежала папка с траурной кромкой. «Меридиан. Вдове». Внутри — тот самый договор дарения. Копия. И листок под ним: расписка о вручении копии. Датированная двадцать первым ноября. С моей подписью.

Я смотрела на собственную подпись и не помнила её. Та неделя была как вата: голоса, лица, кутья, кто-то давал мне подписывать бумаги — «это формальность, Нина Владими-

ровна», — и я подписывала, потому что мёртвым всё равно, а живым так легче. Мою растерянность тогда, оказывается, оформили по всем правилам. Копия вручена, уведомление подписано, вдова в курсе. Два года я считала это сочувствием.

Тут же, в его вещах, лежал ежедневник Андрея — кожаный, распухший от билетов и рецептов. Я листала его, как слушала бы его голос. Счета. Операции. Имена мальчишек-ординаторов. А на последней написанной неделе, за месяц до гибели, — три строки, обведённые его же рукой, будто он возвращался к ним:

«Сен-Клер. Фонд. Долг чести».

И вложенный между страниц пропуск — плотный серый картон с золотым тиснением: «Закрытая партнёрская встреча фонда "Амаль". Сен-Клер. 26–28 октября».

За окном дождь кончился. Я сидела на полу среди лент от венков, держала пропуск мужа мёртвой руки и вдруг поняла, что не дышу.

До встречи оставалось четыре дня.

Глава 2. На честном слове

Приказ о моём увольнении был готов к девяти утра следующего дня — они, видимо, печатали его раньше моего уведомления о выселении, аккуратные люди. «По оптимизации штатной численности в связи с реорганизацией». Две ставки выводятся: моя и девочки из перевода. Компенсация — как положено. Валентина Петровна из отдела кадров не смотрела мне в глаза и дважды высморкалась — она когда-то бегала к Андрею со своими стенокардиями и называла его «наш свет».

— Валентина Петровна, у меня на руках шестеро иностранных пациентов с текущими протоколами. У мальчика из Ташкента смена схемы через десять дней.

— Ниночка, их передают… — она уткнулась в монитор, — в новое подразделение.

— Кому конкретно?

— Это решает руководство.

Руководство решило. Мой кабинет с календарём озера, где я семь лет вела англоязычных и арабских пациентов, — я знала каждого не по номеру карты, а по страху в глазах перед наркозом, — к обеду был пуст. Я унесла из кабинета коробку из-под бумаги: пять папок и личные записи. И ещё я, не спрашивая никого, села в переговорке и от руки написала письма всем шестерым — кому передано ведение, что сказать новому врачу, у кого аллергия на гепарин, у кого панические атаки в лифте, кому сначала показать снимки, а потом говорить. Валентина Петровна молча распечатала их на дорогой бумаге клиники. Одна маленькая честность за день.

Кира позвала меня «просто посидеть» в кафе у метро. Сестра Андрея, старше меня на три года, пришла с распухшими от диет глазами и с папкой. Папку Ланской я узнала, как узнают почерк.

— Нина, подпись поставишь — и отстанут от всех. Компенсацию оставят. Игорь сказал: как только ты прекратишь эту… историю, тебе даже квартиру оставят в пользование, — Кира глядела в свой капучино. — У меня Тимка поступил, платное, сами знаете. Игорь помог. Он семьи не бросает.

— Кира. Подпись Андрея под договором стоит тремя днями позже его похорон.

— Не говори глупостей. — Она поджала губы. — Ты в деньгах ничего не понимала никогда, он на вас и зарабатывал, а теперь… Экспертиза есть. Люди разбираются. А ты что устроила? Шла бы в фонд к новому управляющему, мирно бы всё…

— Он подделал подпись мёртвого человека.

— Не смей! — Кира вскинулась, и я увидела в её лице не злость — испуг. Испуг человека, которому уже пообещали, что от него ничего не потребуется, только не мешать. — Игорь сказал, ты можешь всё потерять. И меня подставить. Подпиши бумагу, Нина. Хотя бы ради памяти брата — он не любил скандалов.

Она ушла, оставив папку мне, — «подумаешь ещё». Вечером она прислала сообщение: «Подумай. Мы же семья». И следом — сердечко. Ровно такое же сердечко она присылала мне два года, из вежливости.

Ночью я разложила на кухонном столе коммунальные уведомления за два года. Я никогда не смотрела на них внимательно — они приходили оплаченными, это входило в «партнёры не бросают». Сейчас я смотрела на реквизиты плательщика. Не клиника. Не «Меридиан». Общество с ограниченной ответственностью «Вектор-Консалт». Я полезла в свои старые банковские выписки — «помощь партнёров», ежемесячно, аккуратно, — те же реквизиты.

Незнакомая фирма два года платила за мой дом, за мою еду, за мой тихий вдовий сон. И не нужно было быть финансовым директором, чтобы понять: фирма эта — ширма, а за ширмой стоит человек, которому очень, очень нужно, чтобы вдова не открывала коробку с надписью «После похорон».

Это была не щедрость. Это была аренда. Два года мне платили за молчание, и я честно отрабатывала — молчала, жила, кивала. Я вдруг почувствовала себя настолько чисто и ясно оскорблённой, что тошнота отступила. Я сложила в чемодан самое необходимое. Папки. Коробку с ежедневником. Расписку с моей собственной подписью, которой я не помнила. И фотографию — сняла её со стены кабинета Андрея перед выходом: он в синем хирургическом костюме, усталый, весёлый, а рядом в кресле — пожилая женщина в платке, с прямой, не по-больничному спиной. На обороте рукой Андрея: «Сердце сильнее гор. На седьмой день она ходит сама. А. С.»

Перелёт был ранний, стыковка тесная. Из иллюминатора на снижении открылось озеро — длинное, зелёное, как бутылочное стекло, с белыми кромками гор по краям. Сен-Клер. Курорт, выкупленный целиком холдингом фонда «Амаль»: набережная, виллы, водолечебница, ворота. Сюда Андрей ездил дважды на встречи партнёров и привозил мне нелепые стеклянные шарики и рахат-лукум, который я не любила, но ела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.